

Зоткин А.А.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ГОСПОДСТВО ЭЛИТ В УСЛОВИЯХ ОСЛАБЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

В статье проанализированы тенденции трансформации властных отношений. Внимание акцентировано на смыслотворящей функции правящих элит. В условиях технологизации и информатизации социальной жизни принуждение и угроза санкций как основные механизмы власти используются меньше. Более эффективными механизмами управления становятся влияние, убеждения, коррекция ценностно-символического мира индивидуума.

Ключевые слова: *власть, правящая элита, информатизация, влияние, смыслы, ценности.*

В конце XX — начале XXI столетий государство как социальный институт существенно трансформировалось во многих обществах. В первую очередь это касается появления новых форм власти, которое воплощалось не только в утверждении наднациональных организаций управления, но и в усилении влияния «теневых» игроков. Кроме того, мы можем констатировать возрастание роли СМИ (благодаря быстрому распространению информационных технологий) и появление большего разнообразия коммуникаторов и посредников между обществом и государством (к таковым можно отнести структуры гражданского общества в самых разных его вариациях). Поскольку проблема трансформации национальных государств в условиях глобализации освещены достаточно широко (Валлерстайн 2001; Панарин 2002; Балугев 2003; Оглезнев 2010), углубляться в нее мы не будем. На наш взгляд, большее внимание следует уделить тому факту, что в условиях развития информационных систем граждане получили возможности быстрой и эффективной самоорганизации, построения горизонтальных социальных связей. Это способствовало нивелированию роли государства как посредника, организатора и интегратора во многих отраслях и сферах жизнедеятельности граждан (условно это можно назвать процессом «разгосударствления» отдельных сфер жизни граждан). Таким образом, сфера компетенции национальных государств оказалась существенно сокращена в указанный период (отметим, что этот тезис, прежде всего,

относится к развитым демократическим обществам западного мира). С одной стороны, национальные государства оказывались все в большей зависимости от наднациональных структур, с которыми они не могут не считаться. И. Валлерстайн отмечал ограничения каждой из государственных машин функционированием мировой экономики и межгосударственной системы (Валлерстайн 2001: 391). С другой стороны, сферу полномочий национальных государств во внутренней политике ограничивали все возрастающие возможности самоорганизации в обществах (что стало возможным в условиях экономической стабильности и отсутствия социальных потрясений). При этом мы должны обозначить тенденцию изменения отношения к государству на индивидуальном и групповом уровнях как переход от эмоционального конструкта, с которым соотносит себя гражданин, к прагматическому восприятию государства как инструмента, процедуры, совокупности норм в решении конкретных задач. Снова необходимо оговорить, что такие тенденции в большей мере характерны для модернизированных обществ Запада. В обществах, где превалирует традиционализм, в значительной мере сохраняются вертикальные модели структурирования и отношение к государству как к высшему организатору, посреднику, нормотворцу и как к эмоциональному «центру притяжения».

Справедливости ради следует отметить, что указанные выше теоретические конструкции отношений между обществом и государством имеют характер идеально-типических. Для рассмотрения тенденций трансформации властных отношений и роли в них государства как социального института и правящих элитных групп мы используем понятие регуляции социального поведения.

Несмотря на указанные выше тенденции изменений в отношении граждан к государству, которые тянут за собой трансформацию конфигурации отношений между гражданами и государственными институтами и организациями, роль государства нельзя недооценивать. Государство по-прежнему является одним из главнейших регуляторов социального поведения. На протяжении человеческой истории власть была и остается тем системным элементом социальных отношений, который всегда пытается максимально глубоко проникнуть в жизнь и сознание каждого социального актора. Система государственной власти, создаваемая людьми для обеспечения общественного порядка и безопасности, чтобы, как писал Ф. Энгельс, разные составляющие общества не пожрали друг друга в бесплодной борьбе (Энгельс 1961: 169-

170), способна стать гоббсовским Левиафаном. И здесь справедливым представляется высказывание Ю. Хабермаса о том, что система поглощает или колонизирует жизненный мир. Предпосылки для этого создает не только внутренняя логика развития мировой капиталистической системы, согласно которой «системно интегрированные сферы действия должны <...> функционировать даже ценой технизации жизненного мира» (Хабермас 1993: 126). Темпы «наступления» системы на жизненный мир также стимулируют характерные для нынешнего периода развития тенденции: 1) высокий уровень организационного дробления государства; 2) появление новых высокоэффективных (и при этом скрытых) механизмов управления обществом в целом и конкретными социальными единицами в частности; 3) «размывание» в научном дискурсе и широком информационном пространстве сущностного понимания власти, властвующих групп, а также роли государства в регуляции социальных отношений и социального поведения.

В концентрированном виде форма регуляции государством социальной жизни и поведения акторов в ней выражается в следующем определении государственной власти. Государственная власть — это система иерархизированных и несимметричных социальных отношений, в которых один субъект подчиняет другого и изменяет его действия на основе имеющихся у него легитимных прав на применение санкций. Государственная власть закреплена в системе социальных институтов и статусных позиций (должностей), имеющих соответствующие полномочия. Государство осуществляет функции контроля и коррекции социальных отношений, которые входят в сферу его компетенции. В одних обществах в сферу компетенции государства могут входить весьма широкий круг социальных отношений (вплоть до отдельных сегментов приватной жизни). В других — сфера государственного регулирования более ограничена. В них государству отводится роль «ночного сторожа», следящего за соблюдением уже установленных правил игры и вмешивающегося в те социальные отношения, что входят в сферу его полномочий, только при их нарушении. Однако во всех случаях государство всегда остается внешним регулятором по отношению к социальным акторам и социальным образованиям разного уровня и масштаба. Полного единения государства и общества никогда не было (да и вряд ли это возможно в принципе). Однако глубина влияния государства и правящей элиты на общество, сферы регуляции социального поведения и эффективность этой регуляционной политики может быть

разной. Одним из важных показателей является отношение к закону как норме, регулирующей поведение. В одних обществах конкретный закон может быть кодифицированной нормой, «проросшей снизу», то есть из уже действующего правила социального поведения. В других обществах этот же закон может быть нормой, «спущенной сверху», по инициативе правящих элитных групп. В этом случае закон будет восприниматься как внешнее принуждающее предписание, противоречащее привычным правилам социального поведения. Такая норма будет или игнорироваться, или выполняться только под угрозой применения санкций. Согласно теории институционализации П. Бергера и Т. Лукмана, такая норма внешней регуляции социального поведения («мы так делаем») потребует долговременного внедрения в повседневные практики, чтобы стать саморегулирующим правилом («так это делается») (Бергер, Лукман 1995: 95-96).

Во многом регламентирующая активность государства зависит от специфики его отношений с обществом. Размышляя над идеями Ю. Хабермаса, можем предположить, что система стремится к максимальному поглощению жизненного мира. Иными словами, государство по умолчанию стремится к максимальной регламентации жизнедеятельности общества и тотальной регуляции социального поведения его составляющих. Это закономерный результат не только логики развития самой системы власти, но и влияния субъективных факторов внутри нее. Правящие элиты, будучи идеальными потребителями власти, готовы взять ее ровно столько, сколько будет возможно в рамках данного общества, которое само позволит им это сделать (Зоткин 2010: 87-88). То есть масштаб и глубина регуляции социального поведения системой государственной власти и управления элитными группами обществом зависит от степени самоидентификации общества и его составляющих с государством, допущения и принятия им распространения власти государства на конкретные сферы своей жизнедеятельности, согласия с нормами, которые утверждаются и поддерживаются государством. Как верно заметил С. Хантингтон, ключевым показателем политического порядка в том или ином обществе является «не форма правления, а степень управляемости» (Хантингтон 2004: 21). Полагаем, что именно исходя из имеющейся степени управляемости, политическая система конкретного общества определяет и утверждает ту или иную форму правления, которая будет наиболее оптимальна для него. Форма правления и политические механизмы регуляции, наиболее совпадающие

со степенью управляемости, будут приняты большинством общества как нормальные, приемлемые. Только при таких условиях возможно нивелирование или снижение конфликта между внешним регулятором (государством с определенной формой и механизмами правления) и объектом управления (обществом или отдельными его составляющими со своей степенью управляемости или, иными словами, готовности к принятию тех или иных регулятивных действий).

Также следует еще раз оговорить роль правящих элит в политической системе. Полагаем, что в конечном итоге элитные группы являются не иницирующим субъектом, а составляющей частью политической системы, ее проводником и/или субъектом-исполнителем. Конечно, элиты как наиболее активные социальные группы перманентно пытаются изменить политическую систему под себя, будучи, как говорилось выше, идеальными потребителями власти. Давление элит на конфигурацию политической системы особенно усиливается в переходные периоды, когда социальные институты ослабевают. Именно тогда элиты пытаются перехватить главенствующую роль в установлении социальных норм и правил. Но в то же время они вынуждены постоянно реагировать на внешние вызовы системе и внутренние ожидания общества (или хотя бы его значительной части), под влиянием которых формируется, сохраняется или, наоборот, изменяется политическая система того или иного общества. От способности элит к реагированию, от результатов этих реакций, умения комбинировать ответы на внешние вызовы и внутренние ожидания в нужной пропорции и, в конечном итоге, от их реализации в практических политических действиях напрямую зависит эффективность поддержания элитами степени управляемости в обществе. От чего, в свою очередь, зависит сохранение элитами своей власти и своего положения в социальной структуре. То есть, система управления и набор регулирующих механизмов зависят, в первую очередь, от сформированной исторически политической системы с ее набором норм, правил, отношений и восприятий, и, во вторую очередь, — от элитных групп, их подчиненности системе или же, наоборот, от их попыток ее преобразовать.

Для большего понимания тезисов, изложенных выше, нам необходимо выйти за рамки современного дискурса, оперирующего, преимущественно, понятиями «демократия», «гражданское общество», «социальная активность». С нашей точки зрения, здесь целесообразна апелляция к политической культуре отношений между государством

и обществом, которая сложилась исторически на конкретной территории и определенном экономическом базисе, и на основе которой формируются политические институты и утверждаются модели властных отношений. Экономический базис и исторические условия развития государственности определяют, как справедливо отметила О. Гаман-Голутвина, основную конфигурацию типа развития общества (Гаман-Голутвина 2006: 33-36). Исходя из этого тезиса, можем предположить, что тип развития общества влиял и влияет на формирование той или иной конфигурации политической культуры, на утверждение определенной роли государства в обществе, на процесс и результаты элитогенеза. Так, например, инновационный тип развития европейских государств способствовал установлению специфических форм отношений между государством и обществом. В странах, где превалировал мобилизационный тип развития (Россия, Китай и др.), устанавливались свои формы политической культуры взаимоотношений между государством и обществом. Логично, что в условиях доминирования государства над обществом, его регулирующие функции и сферы их применения будут большими, чем в системах, где государство находится на службе у общества. Разумеется, чистых «оруэлловских» типов тотального регулирования государством всего и вся в социальной и индивидуальной жизни людей никогда не существовало. Также как и марксистская идея об отмирании государства не была реализована на практике полностью. Тем не менее, несмотря на тенденции унификации стандартов политических систем, ускоренных глобализацией, мы имеем примеры разного характера и разной степени регуляции социального поведения в разных обществах.

К этому мы можем добавить два важных замечания. Во-первых, несмотря на различия исторических условий и результаты формирования политических систем, контроль над социальным поведением граждан и его регуляция являются неотъемлемой функцией каждого государства. Разница лишь в формах, степени и глубине регуляции. По наблюдению Дж. Кампфнера, контроль над политическим поведением граждан осуществляется довольно интенсивно как в Китае, Сингапуре, России, Саудовской Аравии, Индии, так и в Великобритании, Италии, США (Кампфнер 2012). Во всех перечисленных странах осуществляется довольно строгий контроль над политическими партиями, неправительственными организациями, работой СМИ, политическими акциями и публичными высказываниями. Система защищает себя от

возможного ущерба, используя все возможные и приемлемые обществом механизмы. В странах Запада контроль и управление имеют более тонкие формы коррекции культурно-информационного пространства на глобальном и региональном уровнях. Можем предположить, что такой механизм регуляции будет гораздо более эффективен, чем прямая директива или запрет. Автор трехмерной модели власти С. Льюкс считал контроль над убеждениями и ценностями самой коварной формой власти (Льюкс 2010: 27, 45).

Во-вторых, в одной стране могут быть регионы с разными условиями формирования политической культуры. То есть, одно общество может состоять из групп с разными культурными традициями и производными от них формами отношений между государством и гражданами и их политического поведения. Причем культурные традиции способны оказывать на политическую систему влияние той или иной степени довольно продолжительный период времени (вплоть до столетий). Это подтвердили результаты исследований итальянского общества, проведенного Робертом Патнэмом (Патнам 2001).

В странах, где исторически превалировал, согласно терминологии О. Гаман-Голутвиной, мобилизационный тип развития общества, свою эффективность сохранили источники легитимации государственной власти, основанные на долгосрочной традиции взаимоотношений государства и общества. Соответственно, в таких странах не до конца истощенными остались традиционалистские механизмы государственного управления общественными процессами и регуляции государством социального поведения граждан. Сложнее ситуация в странах, где исторически доминировал инновационный тип развития общества. В развитых странах Запада, где традиционные источники легитимации власти уже исчерпаны и основанные на них механизмы управления уже малоэффективны, превентивное значение имеют ценности, с одной стороны, демократии и индивидуалистических свобод, а с другой — результативность капиталистического способа производства. Между экономическим базисом, стремящимся к бесконечному повышению производительности труда и прибавочной стоимости, и его политической надстройкой, созданной для защиты, по Ю. Хабермасу, целостности жизненного мира и его примата над интегрированными в системы сферами действия, наблюдается определенное противоречие. Фактически демократия и капитализм имеют смежные, но разнонаправленные векторы и, соответственно, результаты. Поэтому западный мир в совре-

менных условиях стоит перед дилеммой попеременного принесения в жертву какого-либо из этих сегментов ради сохранения жизнеспособности его визави. То есть, в одних условиях механизмы повышения экономической результативности могут сдерживаться ради сохранения политической стабильности, и наоборот — сфера политических свобод может сокращаться в условиях необходимости экономического роста. Юрген Хабермас высказал мысль о том, что в нынешних условиях сдерживание политической активности обеспечивается поддержанием форм «государства благоденствия», где сокращение свобод компенсируется повышением социальной защиты граждан и расширением их потребительских возможностей. Такая политика трансформирует роль гражданина, предлагая ему взамен удобную роль клиента, которая «делает приемлемым ставшее абстракцией, лишившееся смысла политическое участие» (Хабермас 1993: 131), а также переводит классовые конфликты в латентное состояние. Аналогичные мысли находим и в работе Ральфа Дарендорфа (Дарендорф 2002: 28-30). Идеи Хабермаса подтверждаются в результатах наблюдений Дж. Кампфнера, который привел многочисленные факты реализации в разных государствах с отличающимися культурными традициями и формами государственного устройства такой политики сдерживания политической активности граждан посредством механизмов повышения их благосостояния (Кампфнер 2012). Механизм экономической компенсации, с нашей точки зрения, не может быть универсальным и долгосрочным. Во-первых, он использовался странами западного мира во второй половине XX века для нивелирования классовых конфликтов в условиях сосуществования с социалистическими системами, которые предлагали иную модель. После распада СССР и вовлечения в систему мировой торговли Китая, где началось стремительное социальное расслоение, такая необходимость отпала. Во-вторых, эффективное использование этого механизма возможно лишь в условиях сохранения постоянной динамики экономического роста, с чем современная капиталистическая система испытывает серьезные проблемы (отсутствие новых источников доходов, кризисы перепроизводства, виртуализация капиталов и др.). И в таких условиях общества, для которых был характерен мобилизационный тип развития, имеют относительно большие возможности для сохранения устойчивости своих политических систем.

Несмотря на изменение роли государства со второй половины XX века, сокращение сферы его компетенции и возможностей контроля

и регулирования многих сфер жизни граждан, проблема повышения эффективности управления остается. В таких условиях политическая система и элиты как ее агенты адаптируются и используют новые и, как на наш взгляд, более эффективные механизмы. Тенденцией современности является переход во властных отношениях от прямого диктата, принуждения или угрозы санкций к скрытому управлению, влиянию и манипулированию. Власть всегда подразумевает отношения подчинения, что было детально рассмотрено в одной из наших работ (Зоткин 2013). Тенденции развития социальных отношений привели к постепенному росту уровня свобод граждан в таких странах, большему их вовлечению в политические процессы. Соответственно, во внутренней политике многих государств формы подчинения в силовых или жестко директивных вариантах, будучи эффективными лишь в краткосрочной перспективе, постепенно утрачивали свою эффективность и использовались все реже. Власть же всегда нуждается в закреплении и воспроизводстве отношений между подчиняющим и подчиняющимся, доведения их до опривыченного состояния. Институционализируясь, властные отношения обретают не только свои организационные формы, но и переходят в состояние укорененных традиций, устоявшихся политико-культурных практик, моделей политического поведения, взаимоотношений внутри власти и масс-элитных отношений. И здесь сила санкций и страха от угрозы их применения имеет наиболее уязвимую позицию. Власть держится на многих эмоциональных и рациональных «столпах». В этой конструкции подчинения объекта и, что самое главное, признания им своего подчинения, страх применения санкций неустойчив и будет играть очень кратковременную роль.

Если создание моделей подчинения в том или ином обществе формируется исторически, исходя из условий его существования и факторов, влияющих на него, то закрепление форм властных отношений и самих политических институтов постоянно проводится самими политическими элитами, которые заинтересованы в установлении и сохранении определенной конфигурации социального порядка. Политической системе недостаточен только установленный легальный порядок реализации государственной власти, ей необходима его легитимация, утверждение в восприятии и регулярных практиках граждан. А это невозможно без информационного обмена между государством и обществом, регулярно и системно проводимой воспитательной и пропагандистской работы, формирования, прививания и закрепления у граждан

поведенческих моделей, соответствующих логике этой системы. В концентрированном виде такая политика государственной власти проводилась посредством трансляции и утверждения в общественном сознании идеологем, а также (в более завуалированном виде) мифологем.

О легитимации власти, политических режимов в тех или иных обществах написано множество работ. В частности, перечисляя только работы украинских социологов, можно отметить, что осмысление власти на уровне символических структур было выполнено в работах В. Бурлачука (Бурлачук 2002) и Н. Соболевой (Соболева 2002). Общие процессы легитимации власти в украинском политическом пространстве затрагивались в работах Н. Паниной и Е. Головахи (Головаха, Панина 2006). Роль смыслотворящих элит в механике легитимации политических режимов рассматривалась в работе Н. Шульги (Шульга 2011). Таким образом, исходя из насыщенности социологического научного дискурса теоретическими и прикладными исследованиями по проблеме легитимации власти вообще и государственной власти в частности, мы можем сконцентрировать внимание на более узком фрагменте этого поля. Речь идет о роли политических элит в формировании и утверждении иерархических социальных порядков, основанных на них политических системах и, что самое важное, своего места в них.

Непропорциональность распределения власти в любом социальном образовании зиждется, в первую очередь, на основании объективности иерархизации, закономерность которой была впервые сформулирована Р. Михельсом в известном «железном законе олигархии». Однако диспропорции во властных отношениях имеют и субъективные основания. Существование и обоснование иерархизированных социальных систем, свое место в которых занимают и будут занимать «избранные» в том или ином виде, и производная от этого непропорциональность распределения власти являются одним из главнейших интересов элит. Во многом формирование и утверждение тех или иных моделей властных отношений является продуктом деятельности самих правящих элит. Российский исследователь О. Малинова справедливо отметила, что «политические элиты неизбежно участвуют в производстве и воспроизводстве смыслов — идей, символов, нарративов, норм и т.п. <...> Функция производства смыслов является неотъемлемой частью деятельности элит» (Малинова 2011: 280).

В истории политической идеологии можно проследить эволюцию идей о могуществе элит и обоснованности их власти над массами. Эта

эволюция базировалась на смене качеств, наиболее востребованных в обществах в тот или иной период их развития. Военную силу потеснило (но не отменило) благородное происхождение и богопомазание как идеологическое обоснование власти благородных. В условиях капитализма были нивелированы жесткие границы элиты образца феодальной аристократии. Богатство стало универсальным и гибким критерием элитарности, а либерализм — идеологическим обоснованием справедливости существования элиты богатых среди бедных масс. Власть и богатство, не будучи тождественными по смыслу, стали практически неразрывными понятиями. Г. Моска еще в конце XIX века вывел формулу взаимосвязи и взаимовоспроизводства между богатством и властью: «Богатство создает политическую власть так же, как и политическая власть создает богатство» (Моска 1994: 191). Однако XX в. с ускоренными темпами технологического прогресса, углублением специализации труда и производства (как материального, так и нематериального), «революцией менеджеров» внес свои коррективы в конфигурацию элитных структур. Собственность и богатство перестали быть основой существования иерархических систем в социумах. Отсюда выводы Миллса о властвующей элите США, занимающей руководящие позиции в главных социальных институтах (Миллс 1959).

Как уже отмечалось выше, со второй половины XX в. такие «чистые» капиталы, как деньги и собственность, теряют свою ликвидность как элитообразующий фактор. Богатство как критерий выделения элитных групп и как основание их претензий на господствующие позиции в том или ином обществе изживает себя, становится второстепенным, вспомогательным фактором. На смену ему приходит знание. Причем расширение доступа к высшему образованию до сих пор не смогло ликвидировать дефицит знания. Еще в 70-х гг. Д. Белл писал, что «для постиндустриального общества более значимым становится не переход от собственности или политических критериев к знанию как фундаменту новой власти, а *изменение характера самих знаний*¹» (Белл 1999: 462). Последнее подразумевает владение эксклюзивной информацией, эффективное использование которой может дать материальный доход, оперативное (пространственное или временное) преимущество, информационную и политическую власть. Это позволяет обоснованно говорить о формировании и утверждении информационного неравенства

¹ Курсив наш — А.З.

(Барматова 2009: 162-163). Шведские исследователи А. Бард и Я. Зодерквист считают, что главную роль уже в ближайшем будущем будет играть информационное господство (Бард, Зодерквист 2004). Это, в свою очередь, приведет к тому, что на смену плутократам, сменившим ранее родовую аристократию, придут нетократы — элиты сетей. Элитность будет определяться таким качеством как нахождение в сетевых узлах, на пересечении потоков и магистралей социальной жизнедеятельности (которая все более уходит в информационное пространство), что, собственно, и будет давать власть. Причем это сетевое владычество осуществляется не только в плоскости реальной социальной структуры (Кастельс 2000: 388-391), но и на виртуальном уровне, в информационном пространстве. Как отмечают Бард и Зодерквист, важно владеть нужным и полезным знанием. Хотя, в современных условиях гораздо проще быть погребенным под горами ничего не значащей, бесполезной, а зачастую и искаженной информации. Современную же элиту составляют именно те «избранные», которые умеют отметать бесполезную информацию и эффективно применять нужные знания. При этом над знанием как ценным ресурсом сохраняется контроль. Вспоминая крылатое выражение Ротшильда «Кто владеет информацией, тот владеет миром», необходимо подчеркнуть именно владение, властвование над информационным полем, использование информации. Иначе информация начинает владеть человеком.

Элитные группы, будучи более инициативными, всегда опережают неэлитные социальные группы. Исходя из конъюнктуры и возможностей поддержания или преобразования сложившейся системы иерархических отношений, элиты стараются сохранить контроль и свою власть над массами. В условиях безоговорочного господства элит в информационном пространстве ценностно-символический мир массового общества постоянно подвергается коррекции, где одни составляющие консервируются, сохраняются неизменными. Другие — актуализируются, на них заостряется внимание. Третьи подвергаются реставрации, разархивации. Четвертые, наоборот, подвергаются шельмованию и высмеиванию с намерением умалить их значимость. Пятые замалчиваются и тщательно «архивируются», говорить о них представляется как дурной тон. Примеров можно привести много, но это является темой для отдельной работы. В данном случае мы хотели бы констатировать факт усиливающейся тенденции, где распространение информационных технологий сопряжено с изменением самого характера властных

отношений между подчиняющим и подчиняющимся. Во-первых, с распространением телевидения и интернета существенно упростился доступ к каждому элементу массового общества, информацию стало доносить проще, быстрее и эффективнее. В данном случае мы имеем дело с эффектом «сжатия пространства». Во-вторых, несмотря на имеющееся многообразие возможностей, которое сегодня предоставляет информационное поле, там тоже выстраивается определенная иерархическая сеть, через которую транслируется информация. Появляются глобальные центры или узлы, которые задают тон подачи информации, приемлемые точки зрения, допустимые в ее контенте. От глобальных узлов «отшлифованная» информация перенимается национальными ретрансляторами, от них — региональными. При этом речь здесь идет не только о СМИ (хотя они играют важнейшую роль в этом процессе), но о гораздо более широком круге агентов. В нынешних условиях национальные информационные поля отдельных государств уже не могут быть полностью независимыми. «Смыслотворящие» элиты в условиях широкой торговли знанием, как отмечал Н. Шульга, вынуждены включаться «в банальные рыночные отношения, что нарушает первозданность, чистоту и главное — независимость ее творчества» (Шульга 2011: 186). Не только отдельные субъекты информационного поля (парламентарии, литераторы, эксперты из разных отраслей знания, журналисты, преподаватели вузов и др.) могут вольно или невольно стать ретранслирующими агентами, но и целые социальные институты (в первую очередь, образование), а также индустрия массовой культуры. Так, например, один из популярных современных писателей Дж. Мартин в своем интервью подчеркнул значимость власти культуры и индустрии развлечений как одного из эффективных механизмов смысловотворчества в новых информационных условиях. «Развлекательная индустрия сама по себе определенно влияет на культуру. Мы можем изменить ее. На людей влияет то, что они читают, то, что они видят в кино и на ТВ. <...> Те из нас, что работают в кино и на ТВ, те, у кого огромный круг зрителей — они обладают властью изменить мышление. Это не абсолютная власть, мы не диктаторы, мы не можем что-то включать и выключать по собственному капризу. Это процесс убеждения, медленного изменения, занимающего если не поколения, то хотя бы годы. Но, тем не менее, это — власть» (Джордж Р.Р. Мартин 2015).

При всей важности этой проблемы для темы нашей работы детально углубляться в нее мы не будем. При этом считаем необходимым под-

черкнуть все более повышающуюся роль информации и массовых коммуникаций в социальных отношениях вообще, о чем еще в середине XX в. писали П. Лазарсфельд и Р. Мертон (Лазарсфельд, Мертон 2000) и во властных отношениях в частности. Очевидно, что в информационном обмене роль неэлитных групп будет в основном потребительской, но никак не продуцирующей. В 1950-х годах Ч.Р. Миллс писал о переплетении в единое ядро правящей элиты США политического директората, представителей корпораций и генералитета. Сейчас в этот элитный пул можно смело добавлять директоров и главных редакторов крупнейших медиа-холдингов, авторитетных представителей экспертных сообществ, ученых, активных участников сетевых сообществ, дающих эксклюзивную информацию, и других акторов, находящихся на пересечении важнейших информационных потоков. Так или иначе, смыслотворящая, информационно-генерирующая элита всегда будет тесно связана с властью и власть предержащими тем или иным образом, вольно или невольно, а массам остается роль статистов и потребителей информации.

Здесь уместна постановка следующего проблемного вопроса: можно ли непосредственное господство элит над умами и поступками масс считать «чистой властью»? Думаем, что для этого есть все основания. Объект (массы) даже не может ощущать и, тем более, осознавать власть над собой со стороны конкретного субъекта (элиты), но при этом сохраняется их подчинение как результирующий эффект информационного воздействия элит. Переосмысливая логику веберовского определения власти, можно отметить, что в современных условиях элиты не осуществляют власть вопреки воле объекта (масс), поскольку они сами и формируют эту волю, мировоззрение, интересы, цели, предпочтения. Именно об этом писал и С. Льюкс, обосновывая свою трехмерную модель власти. В современных условиях сфера власти не ограничивается только поведением, а включает в себя и контроль над ценностями и убеждениями (Льюкс 2010: 27, 45).

Массовым обществом в современном его виде становится проще управлять. Это звучит парадоксально с учетом усложнения самого процесса и технологии управления. Однако именно в условиях стремительной технологизации мира, сопровождающимся колоссальным ростом объемов информации и вместе с тем «сжатия пространства», люди во всем мире все быстрее освобождаются от былых рамок социального контроля, традиционных норм и ограничений. Реальные социальные

сети уступают место виртуальным. Общества становятся все более индивидуалистичными, но вместе с тем и все более атомизированными, где человек превращается в одинокий «байт» в цифровом измерении. Как справедливо отметила в своей работе С. Барматова, «информационное и коммуникативное сегодня не объединены в целях создания социального мира и социального дома для человека, более того, они отдаляются друг от друга» (Барматова 2009: 166). При всем богатстве выбора информации люди становятся все более одинокими и все менее защищенными от ее неконтролируемых потоков. При этом большинство граждан в массовом обществе, как отмечал С. Кара-Мурза, «не желает тратить ни душевных и умственных сил, ни времени на то, чтобы просто усомниться в сообщениях» (Кара-Мурза 2000: 24). Все это накладывается на феномен переизбытка информации и дефицита подлинного знания. Люди оказываются погребены под массой ничего не значащей, а подчас и вредной информации, их внимание постоянно переключается на второстепенные темы. В таких условиях, где устанавливается фон перманентной «бессобытийной многособытийности» (Шульга 2011: 187), не могут быть сформированы устойчивые социальные группы, которые могли бы артикулировать свои реальные интересы и предпринять коллективные действия для их защиты. Идеологема демократии становится наиболее востребованной, поскольку необходимость использования прямого принуждения через директивы, угрозы применения санкций и т.п. становятся слишком затратными и малоэффективными. Демократия же используется в качестве обоснования установившихся форм социально-политических и социально-экономических отношений, ни в коей мере не утративших своей иерархичности и непропорциональности. Изменяются ситуативные игроки, но неизменной остается сама система властных отношений. Именно в таком ключе Й. Шумпетер охарактеризовал современную западную демократию, которая «означает лишь то, что народ имеет возможность согласиться или не согласиться, чтобы им правила та или иная личность» (Шумпетер 1995: 352). Общество трансформируется в потребительскую массу и электорат (что, в принципе, одно и то же), поскольку ему дают выбирать только из заданного «коридора» дозволенного. Описывая современные технологии манипуляции массовым сознанием, С. Кара-Мурза точно обозначил в этих процессах роль социальных интересов, которые связывают между собой атомы гражданского общества. «Удары по каким-то точкам (идеям, смыслам) большого ущерба для целого не про-

изводят. <...> Зато эта ткань трудно переносит «молекулярные» удары по интересам каждого (например, экономические трудности). Для внутренней стабильности нужно лишь контролировать “веер желаний”» (Кара-Мурза 2000: 47).

Резюмируя отметим, что процессы глобализации и информатизации внесли новые тенденции в трансформацию политических систем. Под давлением глобальных факторов национальные государства стали ослабевать, элиты как главные акторы политических систем стали активно встраивать свои государства в мировую систему. Несмотря на ослабление роли национальных государств в условиях, когда реальная власть начала переходить к наднациональным центрам и на уровень социальных сетей, их унификации под единые стандарты не произошло. В то же время политические системы стали быстро адаптироваться к новым условиям информационного господства и информационных войн. Проблема элиты и типов ее господства в конкретные периоды ее функционирования всегда связана с ресурсами и эффективностью их использования. Ресурсы являются определяющим фактором формирования правящих элит и утверждения их господства в том или ином обществе. Ресурс всегда имеет ценность лишь в условиях ограниченности своих объемов, когда спрос на него стабильно превышает предложение. Поэтому властеобразующая и элитаобразующая база ресурсов зачастую содержится в условиях контролируемого дефицита со стороны самих правящих элит. Если дефицита нет, то его необходимо создать. Ресурсом новейшего периода истории человечества стало знание, информация, а властные отношения обрели тенденции трансформации в информационное господство элитных групп, которые используют механизмы смысловотворения и перманентной коррекции ценностно-символического мира масс.

ЛИТЕРАТУРА

Балуев Д.Г. Меняющаяся роль государства в контексте современных глобальных изменений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2003. № 1. С. 160-175.

Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / Пер. со швед. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.

Барматова С. Изменение места и роли коммуникации в современном мире // Социология: теория, методы, маркетинг. 2009. №3. С. 158-168.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

Бурлачук В. Символ и власть. Роль символических структур в построении картины социального мира. Київ: ИС НАНУ, 2002.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001.

Гаман-Голутвина О. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции / О. Гаман-Голутвина. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006.

Головаха Е., Панина Н. Основные этапы и тенденции трансформации украинского общества: от перестройки до «оранжевой революции» // Социология: теория, методы, маркетинг. 2006. № 3. С. 32-51.

Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Пер. с нем. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002.

Джордж Р.Р. Мартин в Гамбурге: «Драконы — крутые!» // Блог elhutto «Записки Петра Петровича». 29.06.2015. URL: <http://elhutto.livejournal.com/1368166.html> (дата обращения: 10.07.2015).

Зоткин А. Проблемные зоны концептуализации власти // Соціальні виміри суспільства. 2013. Вип. 5 (16). С. 211-221.

Зоткин А.А. «Львы» и «лисы» украинской политики. Киев: Институт социологии НАН Украины, 2010.

Кампфнер Д. Свобода на продажу: как мы разбогатели — и лишились независимости. М.: Астрель: CORPUS, 2012.

Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2000.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Лазарсфельд П., Мертон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие // Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. М.: Едиториал УРСС, 2000. С. 138-149.

Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд / пер. с англ. А. И. Кырлежева; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010.

Малинова О.Ю. Политические элиты как «производители смыслов» российской политики: к постановке проблемы / О. Ю. Малинова // Элиты и общество в сравнительном измерении: сб. ст. / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 280-293.

Миллс Р. Властвующая элита / Пер. с англ. Е.И. Розенталь [и др.]. Предисл. В.Е. Мотылева. Ред. Л.Я. Розовский. М.: Издательство иностранной литературы, 1959.

Моска Г. Правящий класс [Главы из книги] // Социологические исследования. 1994. № 10 С. 187-198.

Оглезнев В.В. Глобализация и государство: анализ социальной онтологии. Томск: Издательство ЦНТИ, 2010.

Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Эксмо-Пресс, 2002.

Патнам Р.Д. Творення демократії: Традиції громадської активності в сучасній Італії / Р.Д. Патнам разом з Р. Леонарді та Р.Й. Нанетті. Київ: Видавництво Соломії Павличко «Основи», 2001.

Соболева Н.І. Соціологія суб'єктивної реальності. Київ: Інститут соціології НАН України, 2002.

Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // *THESIS*: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Вып. 2. С. 123-136.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

Шульга Н.А. Дрейф на обочину: двадцать лет общественных изменений в Украине. Київ: Друкарня “Бізнесполіграф”, 2011.

Шумпетер Й. Капіталізм. Соціалізм. Демократія. Київ: Основи, 1995.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 21. С. 23-178.

REFERENCES

Patnam R.D. Tvorennya demokratiyi: Traditsiyi gromadskoyi aktivnosti v suchasniy Italiyi [*Putnam R.D.* Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy]. Transl. from English to Ukrainian. Kiyiv: Vidavnitstvo Solomiyi Pavlichko «Osnovi», 2001. (In Ukrainian).

Baluev D.G. Menyayuschayasya rol gosudarstva v kontekste sovremennyih globalnyih izmeneni [*Baluyev D.G.* The changing role of the state in the context of contemporary global transformation], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2003, 1, pp. 160-175. (In Russian).

Bard A., Zoderkvist Ya. Netokratiya. Novaya pravyyashchaya elita i zhizn posle kapitalizma [*Bard A., Soderqvist J.* Netocracy: The New Power Elite and Life after Capitalism] Transl. from Swedish to Russian. St. Petersburg: Stokgolmskaya shkola ekonomiki v Sankt-Peterburge, 2004. (In Russian).

Barmatova S. Izmenenie mesta i roli kommunikatsii v sovremennom mire [*Barmatova S.* The change of place and role of communication in the modern world], *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing*, 2009, 3, pp. 158-168. (In Russian).

Bell D. Gryaduschee postindustrialnoe obschestvo. Opyit sotsialnogo prognozirovaniya [*Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting]. Transl. from English to Russian. Moscow: Academia, 1999. (In Russian).

Berger P., Lukman T. Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti [Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A treatise in the sociology of knowledge] Transl. from English to Russian. Moscow: Medium, 1995. (In Russian).

Burlachuk V. Simvol i vlast. Rol simvolicheskikh struktur v postroenii kartinyi sotsialnogo mira [Burlachuk V. Symbol and Power. The Role of symbolic structures in creation of the social world view]. Kiyiv: IS NANU, 2002. (In Russian).

Darendorf R. Sovremennyyi sotsialnyiy konflikt. Ocherk politiki svobody [Dahrendorf R. The Modern Social Conflict] / Transl from German to Russian. Moscow: "Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya" (ROSSPEN), 2002. (In Russian).

Dzhordzh R.R. Martin v Gamburge: "Drakonyi - krutyie!" [George R.R. Martin in Hamburg: "Dragons are cool!"], in: Blog by elhutto "Zapiski Petra Petrovicha". 29.06.2015. URL: <http://elhutto.livejournal.com/1368166.html> (available: 10.07.2015). (In Russian).

Engels F. Proishozhdeniye semi, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva. V svyazi s issledovaniyami Lyuisa G. Morgana. [Engels F. The origin of the family, private property and the state. In connection with the researches of Lewis H. Morgan] in: Marx K. and Engels F. Works. 2nd ed. Moscow: Gospolitizdat, 1961. Vol. 21, pp. 23-178. (In Russian).

Gaman-Goluvina O. Politicheskie elityi Rossii: Vehi istoricheskoy evolyutsii [Gaman-Goluvina O. Political Elites of Russia: Milestones of historical evolution]. Moscow: "Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya" (ROSSPEN), 2006. (In Russian).

Golovaha E., Panina N. Osnovnyie etapyi i tendentsii transformatsii ukrainskogo obschestva: ot perestroyki do «oranzhevoy revolyutsii» [Golovaha Ye, Panina N. The main stages and tendencies of transformation of Ukrainian society: from Perestroika to the "Orange revolution"] in Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing, 2006, 3, pp. 32-51. (In Russian).

Habermas Yu. Otnosheniya mezhdu sistemoy i zhiznennym mirom v usloviyakh pozdnego kapitalizma [Habermas J. The relationship between system and lifeworld in advanced capitalism], THESIS: teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsialnykh institutov i system, 1993, 2, pp. 123-136. (In Russian).

Hantington S. Politicheskii poryadok v menyayushchisya obschestvakh. [Huntington S.P. Political Order in Changing Societies] / Transl. from English to Russian. Moscow: Progress-Traditsiya, 2004. (In Russian).

Kampfner D. Svoboda na prodazhu: kak myi razbogateli — i lishilis nezavisimosti. [Kampfner, John. Freedom for sale: why the world is trading democracy for security]. Transl. from English to Russian. Moscow: Astrel: CORPUS, 2012. (In Russian).

Kara-Murza S. Manipulyaciya soznaniem [Kara-Murza S. The mind manipulation]. Moscow: Algoritm, 2000. (In Russian).

Kastels M. Informatsionnaya epoha: ekonomika, obschestvo i kultura. [Castells M. The Information age: economy, society and culture]. Transl. from English to Russian. Moscow: GU VShE, 2000. (In Russian).

Lazarsfeld P., Merton R. Massovaya kommunikatsiya, massovyye vkusyi i organizovannoe sotsialnoe deystvie. [*Lazarsfeld P., Merton R.* Mass Communication, Popular Taste, and Organized Social Action] in: Nazarov M.M. Mass communication in the modern world: methodology of analysis and research practices. Moscow: Editorial URSS, 2000, pp. 138-149. (In Russian).

Lyuks S. Vlast: Radikalnyi vzglyad [*Lukes S.* Power. A Radical View], Transl. from English to Russian. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta — Vyisshey shkoly ekonomiki, 2010. (In Russian).

Malinova O.Yu. Politicheskie elityi kak «proizvoditeli smyslov» rossiyskoy politiki: k postanovke problemy [*Malinova O.Yu.* How Political Elites Set the Agenda? Theoretical Approaches to the Problem] in: Elites and Society in Comparative Perspective / ed. by O. Gaman-Golutvina. Moscow: “Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya” (ROSSPEN), 2011, pp. 280-293. (In Russian).

Mills R. Vlastvuyuschaya elita [*Mills R.* The Power Elite], Transl. from English to Russian. Moscow: Izdatelstvo inostrannoy literaturyi, 1959. (In Russian).

Moska G. Pravyaschiy klass (gravyi knigi) [*Mosca G.* The Ruling Class (chapters from the book)], Sotsiologicheskie issledovaniya, 1994, 10, pp. 187-198. (In Russian).

Ogleznev V.V. Globalizatsiya i gosudarstvo: analiz sotsialnoy ontologii [*Ogleznev V.V.* Globalization and the state: the analysis of social ontology]. Tomsk: Izdatelstvo TsNTI, 2010. (In Russian).

Panarin A.S. Iskushenie globalizmom [*Panarin A.S.* The Temptation of Globalism]. Moscow: Eksmo-Press, 2002. (In Russian).

Shulga N.A. Dreyf na obochinu: dvadtsat let obschestvennykh izmeneniy v Ukraine [*Shulga N.A.* Drift by the Wayside: twenty years of social changes in Ukraine] Kiyiv: Drukarnya “Biznespoligraf”, 2011. (In Russian).

Shumpeter Y. Kapitalizm. Sotsializm. Demokratliya [*Schumpeter J.* Capitalism, Socialism and Democracy]. Transl. from English to Ukrainian. Kiyiv: Osnovi, 1995. (In Ukrainian).

Soboleva N.I. Sotsiologiya subektivnoyi realnosti. [*Soboleva N.I.* Sociology of the Subjective Reality]. Kiyiv: Institut sotsiologiyi NAN Ukrayini, 2002. (In Ukrainian).

Wallersteyn I. Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire [*Wallerstein I.* World-Systems Analysis]. Transl. from English to Russian. St. Petersburg: Universitetskaya kniga, 2001. (In Russian).

Zotkin A. Problemye zonyi kontseptualizatsii vlasti [*Zotkin A.* Problems in conceptualization of power,], Sotsialni vimiri suspilstva, 2013, 5 (16), pp. 211-221. (In Russian).

Zotkin A.A. «Lvyyi» i «lysyi» ukrainskoy politiki [*Zotkin A.* “Lions” and “foxes” of Ukrainian politics]. Kiev: Institut sotsiologii NAN Ukrayini, 2010. (In Russian).